таблетки от неизвестно чего и еще какой-то мусор. Только денег там не было. Кошелек на месте и мусор на месте, а денег нет.

Стоило лишь задуматься о кошельках и сумочках – вещах изящных и малогабаритных, а слово «мусор» замигало в мозгу красной лампочкой. Мусор, мусор... Чтобы вся жизнь не стала сплошным мусором, с каждым отдельным его скоплением необходимо нещадно бороться...

С этой почему-то успокоившей меня мыслью я подошла к урне и высыпала в нее из кошелька все до последней крошки. Так-то лучше. Кошелек на месте. И мусора в нем нет. Правда, и денег тоже. Все мои деньги остались в сумочке, где они хранились, ради их безопасности, в косметичке. Да, в косметичке. Вместо косметики. А косметика лежала во внутреннем кармане сумки. А все, что не попадало в косметичку или карманы, складывалось в кошелек. Вот так. Все наоборот. Чтобы мошенников и воров запутать. Мне так подруга посоветовала. Сама я, конечно, тоже путалась, что где лежит, вечно искала что-то в кожаных недрах, но ведь легкой жизни мы исторически не ищем, правда? И следы запутывать – у нас в генах, наследственное, от предков-партизан.

От мыслей о запутанной роли человеческого существования меня отвлек знакомый звонок. Мобильник... Мой? Дрожащими руками я выловила со дна кармана оказавшееся там по счастливой моей оплошности родное серебристое тельце. Ну, порадуй же меня!

– Алло!

– Курочка, это я... – ангельским басом проворковал мужчина моего сердца. Господи, ну почему курочка?

– Привет... Лёшик, ты уже скоро?

– М-м-м... У меня тут... В смысле... задерживаюсь я. Не знаю, на сколько. Может, давай лучше на следующую среду перенесем? Пораньше освобожусь, и весь вечер наш будет!

Алло... Ты меня слышишь, рыбка?

– У рыбки только что украли сумку с ключами и деньгами... – с трудом выдавила из себя я, цепляясь за свою беду, как за соломинку, в надежде, что уж в этом случае он точно бросит все дела и прилетит меня спасать.

– У какой рыбки? Что украли? – не понял любимый.

– У меня. Украли сумку. Вот. На остановке. Схватил и уехал на автобусе.

В трубке напряженно молчали.

– Ты сама в порядке?

– Да.

– Слава Богу. Слушай, котик, а Анюта дома?

Мне хотелось крикнуть во все горло: «При чем здесь Анюта?» – но я безропотно сказала «да» и всхлипнула как можно тише.

– Иди скорей домой, она тебе дверь откроет, побудет с тобой.

Я молчала.

– Да не переживай ты так. Главное – сама в порядке. Замки сменить нужно, а деньги – они что, бумажки... Эх, елки-моталки, я подскочить не могу... – Лешка говорил все тише.

«Может, он и правда на важном совещании? Зря я обижаюсь...» – не успела подумать я, как он зловещим шепотом добавил:

– Моей приспичило все этажи обойти, уже некуда сумки с покупками складывать, полный багажник... Нанял же ей водителя, так нет – меня вдобавок к нему подавай!

Лешик сам себя оборвал на полуслове, а спустя мгновение подвел замечательный итог всем моим годовалым сомнениям.

– Но ты же все понимаешь, да? Ты же у меня сильная... Так ведь, зайчик?

Он говорил еще что-то, а зайчик молча вытирал крокодиловы слезки.

– Алло! Алло! Наташка? Я тебе позвоню! Ты меня слышишь? На-та-аш!..

Я слышала, слышала... и, кажется, наконец услышала все. Даже то, что он и не говорил... И с каждым его словом очень быстро, как запах дешевого одеколона, стали улетучиваться мои мечты о нем, о нас, заменяясь на картинки пережитых рядом с ним неприятных мгновений.

Господи, да где ж мои глаза были? Он же не зайчик, и не рыбка, и не птенчик. Он ведь самый настоящий...

И я позволила себе произнести это вслух, хотя и едва слышным шепотом:

– Свинтус обыкновенный. Козел... с бубенчиками, индюшатина расфуфыренная... – И уже громче: – Да пошел ты!..

Нет людей без недостатков. Истинная правда. Но у Лешика ко всем полагающимся каждому из нас изъянам был еще один, которого не должно быть у любимого мужчины, – он был женат. И я знала! Он связан, обязан... В этом случае, даже если очень хочется, все равно нельзя. Нельзя! Слышите, девчонки всего мира? НИ-НИ! Не трогать. Забыть и думать. Сама виновата. Курица безмозглая. Овца серая...

Мысленно перечислив добрую половину обитателей стандартного зоопарка, я изо всех сил, словно вредное насекомое, мучившее воображаемых животных, придавила к холодному корпусу кнопку отбоя и мысленно подвела жирную черту под неудавшимися отношениями с очередным смертельно женатым прЫнцем.

Собственно, не такой и очередной он был... Совсем не много было в моей жизни мужчин. Все время с семнадцати и до тридцати лет было посвящено лишь одному – мужу, теперь бывшему, но с ним не сложилось.

Эти последние три года одиночного плавания... дали мне... несколько знакомств.

Филипп... Сердце сжалось от боли при мысли о нем... Далеком. Недоступном. До сих пор незабытом.

Мишка помогал мне все это время, как мог... Спасибо ему за дружбу верную...

А теперь вот Алексей. Дружок с детства, в одном дворе росли. Он попробовал войти в мою жизнь в роли романтического героя. Лешка ходил за мной лет с десяти (правда, ему было уже тринадцать, и что он нашел тогда во мне, долговязой неуклюжине?), но только теперь, после развода с мужем, я взглянула на него наконец как на представителя противоположного пола, и мы попытались построить друг для друга «Храм нежного чувства» на месте крепкого фундамента давней дружбы... Получилась кривая-косая хижина с худой крышей и щелями в стенах...

На этих словах мое бедное сердечко снова больно вздрогнуло.

Очень хотелось бы уже прекратить эти душевные мы-